

УДК 811.511.131'28+811.511.131'373.6

ББК Ш12=664.1*323+ Ш12=664.1*67

С.А. МАКСИМОВ

ВЫРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДРУГ» В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ: АРЕАЛЬНЫЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: удмуртские диалекты, понятие «друг», слова-обозначения друга, ареальный аспект, этимология, тюркские заимствования.

Рассмотрено лексическое многообразие, используемое в удмуртском языке для выражения понятия «друг». Исследование носит лингвогеографический характер и затрагивает этимологический аспект приведенных слов. Практически весь диалектный ряд для обозначения друга: *дывы* – *уром* – *йултош* – *эш* – *эптэш* – *дус* – кроме первого слова, имеющего неизвестное происхождение, состоит из тюркских заимствований. Автор предполагает, что для понятия «друг» ранее существовало исконное слово, продолжением которого является лексема *музъ* 'подруга', 'любовница; любовник'.

S. MAKSIMOV

NOTION OF «FRIEND» IN UDMURT LANGUAGE: AREAL AND ETYMOLOGICAL ASPECTS

Key words: Udmurt dialects, notion of «friend», word denoting the notion of «friend», areal aspect, etymology, Turkic borrowed words.

The work is devoted to lexical diversity of the Udmurt language concerning the notion of «friend». The research is linguogeographical and reveals the etymological aspect of the given words. Practically, the entire range of dialect words used to denote the notion of «friend»: *dyvy* – *urom* – *yultosh* – *esh* – *epesh* – *dus* – are Turkic borrowings except the first word, which is of unknown origin. The author presumes that previously there was a primordial word to denote the notion of «friend», which has its continuation in the lexeme *Muz'y* 'girlfriend', 'mistress; lover'.

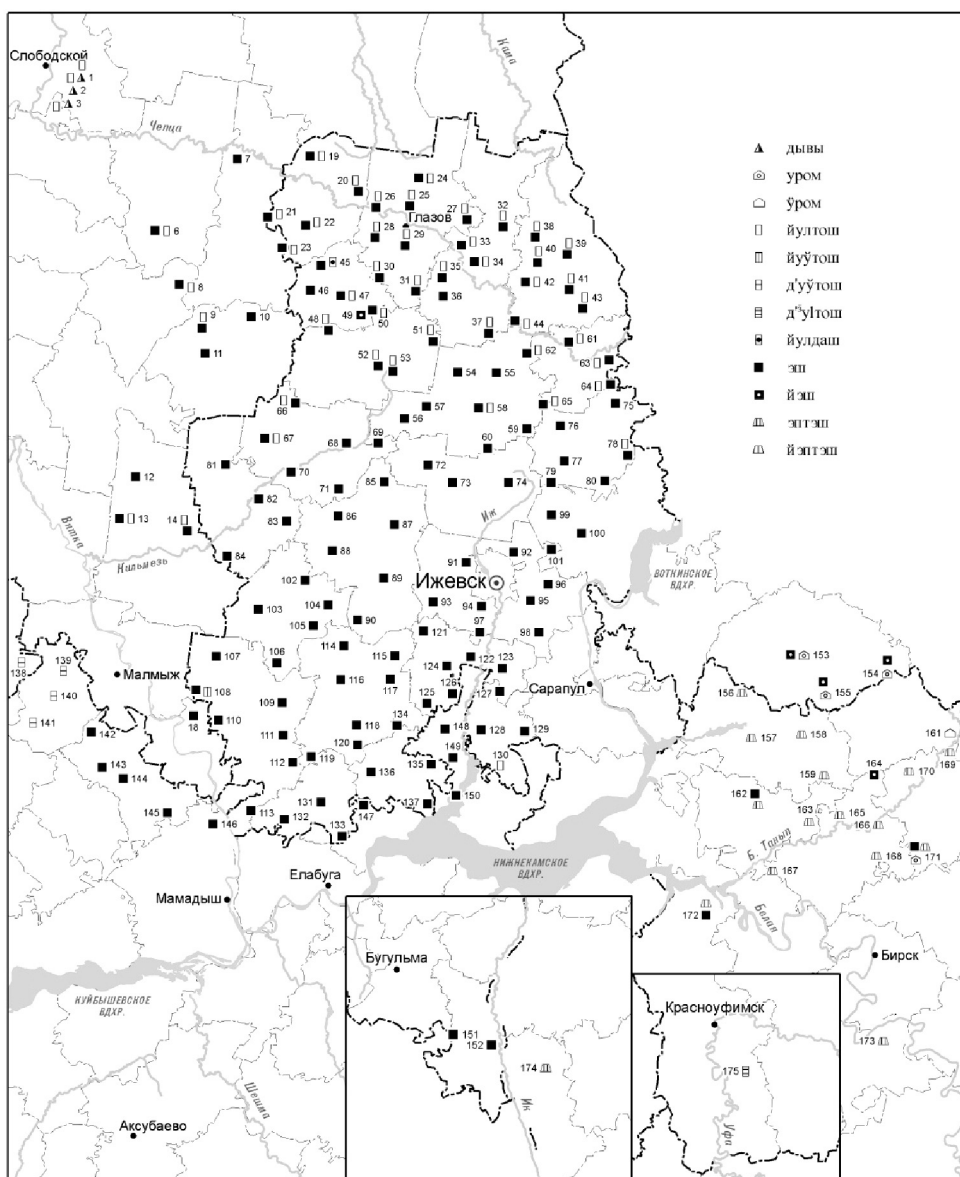
Понятие «друг» находится в тесном синонимичном отношении с понятиями «приятель» и «товарищ» и нередко в удмуртском языке выражается одним и тем же словом. При сборе материалов информанты зачастую в качестве наименования друга указывали и такие слова, которые ближе к понятиям «приятель» и «товарищ». Последние также нашли отражение на карте. Для того чтобы внести большую ясность в понимание понятий, приведём их толкования: *друг* – человек, который связан с кем-нибудь дружбой, т.е. близкими отношениями, основанными на взаимном доверии, привязанности, общности интересов; *приятель* – близкий и дружески расположенный знакомый; *товарищ* – человек, близкий кому-нибудь по взглядам, деятельности, условиям жизни, а также человек, дружески расположенный к кому-нибудь [см.: 2. С. 183, 622, 828].

1. В результате полевых исследований в удмуртских диалектах были выявлены следующие лексемы, обозначающие исследуемое понятие: *дывы*, *йултош*, *уром*, *эш*, *эптэш*. Наименование *дывы* ранее никем из исследователей не было зафиксировано.

1.1. Слово *дывы* употребляется только в слободском говоре северного наречия (см. оп. 1–3 на рисунке). Происхождение неизвестное. Для сравнения можно привести слова *дыды* 'голубка, голубушка', сч. *гъдъ*, *гыды* 'голубчик, милок, голубка, голубушка' (ласкательное слово, чаще ласковое обращение к детям или старших к младшим вообще). Вместо последнего в слободском говоре употребляется лексема *гыл'ык*, которая, по сообщению информантов, заимствована из татарского языка. Слова *дыды* и *гыды* возникли как дескриптивные (изобразительные) образования.

2.1. Уром

2.1.1. Территориальное распространение и варианты слова. В качестве наименования друга записано в отдельных опорных пунктах Закамья (153, 155, 171), в варианте *уром* – в пунктах 154, 161. Следует сделать оговорку, что данное слово в первую очередь используется для обозначения приятеля (см. ниже) и имеет более широкий ареал употребления. В большинстве указанных опорных пунктов понятие собственно «друг» выражается словами *эптэш*, *эш*.

М 1:2000000 (в 1 см 20 км)

Ареалы распространения слов, выражающих понятие «друг»

2.1.2. Значение. *Уром* 1. 'приятель; друг-приятель'; *Микта уром ке но, эш өвөл* погов. 'хотя Никита и мой приятель, но не друг (о ненадёжном человеке)'; 2. диал. 'возлюбленный, любовник'; *урум-дусым* диал. собир. 'друзья, приятели; друзья-приятели'; *солэн котькытын урум-дусымез вань* 'у него повсюду друзья-приятели' [5. С. 701].

2.1.3. Происхождение. Венгерский исследователь Б. Мункачи, исследуя мансийско-хантыйское божество *tarém, tórém, türém*, пишет, что конечное *-т* является possessивным суффиксом первого лица единственного числа тюрко-

монгольского слова *taŋrim* = чув. *tórim* < *túrêm* 'мой бог'. Как пример аналогичной структуры заимствования приводит удмуртское слово *dusêm* 'возлюбленный', являющееся татарско-персидским словом *dus* 'друг' с посессивным суффиксом первого лица единственного числа. Также он отмечает, что похожий случай, предположительно, и в северно-мансийском слове *ruma* 'друг', используемый для обращения к русским и зырянам (*ruma-m!* 'мой друг'), что весьма напоминает удм. *ŷromă, uromă* 'мой друг' [8. С. 311].

По мнению Е.И. Емельянова [1. С. 34–35], удмуртское *urom* 'друг, русский, татарин' восходит к татарско-арабскому *rumi* 'римлянин, христианин', а звук *u* является вставочным гласным перед *r*, который в абсолютном начале исконных удмуртских слов не встречается.

3.1. *Йултош*

3.1.1. Территориальное распространение и варианты слова. В качестве собственно наименования друга функционирует в шошминском и красноуфимском говорах периферийно-южного диалекта. В первом из них – в вариантах *д'уўтош* (138–141) и *д'ултош* (141), а в последнем – в фонетическом облике *д'ултош* (175). Помимо этого, слово *йултош* в первую очередь как обозначение приятеля повсеместно распространено в северном и бесермянском наречиях; записано также в срединных говорах (66, 67, 78), при этом в оп. 108 в облике *йуўтош*. Кроме того, это слово отмечено в оп. 130 (Стар. Салья), расположенном в ареале центрально-южного диалекта. В бесермянском населённом пункте Шамардан (45) оно зафиксировано в форме *йулдаш*, а в оп. Лонки-Ворцы (58), расположенном на границе северного наречия и срединных говоров, записано в облике *йулдош*.

3.1.2. Наличие в письменных источниках: *jultoš* G, *juldaš* B, *juldoš* M, *d'uutoš* MU, *d'ultoš* U 'товарищ, приятель', MU 'друг, подруга' (1892, 1894) [9. С. 83]; *юлтош* 'друг, приятель; товарищ; спутник' [5. С. 813].

3.1.3. Значение. Как было указано выше, описываемое слово как основное средство для выражения понятия «друг» используется в шошминском и красноуфимском говорах. В остальных диалектах оно обозначает приятеля, товарища; напарника (например, по работе); попутчика [5. С. 813]. Интересную особенность употребления исследуемого слова в конце XIX в. зафиксировал финский учёный Ю. Вихманн, который отметил, что с посессивными суффиксами данное слово имеет значение 'супруг(а)', например, *d'uutoški* 'мой супруг, моя супруга' MU, *jultoškiz* 'его супруг(а)' G, *jultošezlen* 'у его супруга (супруги)' G (см.: 9. С. 83). Подобное употребление слова и в настоящее время сохранилось в некоторых диалектах, в частности в среднечепецком, а необычную огласовку *йултош-кы* вместо ожидаемого *йултош-э* удалось зафиксировать в опорном пункте Слудка (6) Зуевского района Кировской области.

3.1.4. Происхождение. Описываемое слово финский учёный Ю. Вихманн и венгерский учёный Б. Мункачи относят к татарским заимствованиям [9. С. 83; 8. С. 287], российские лингвисты – к чувашизмам [см.: 3. С. 65]. Исходя из фонетики слова (ср. чув. *юлташ* 'товарищ; подруга' [6. С. 582] и современного ареала (преимущественно северная диалектная зона), его следует отнести к болгарским заимствованиям, а бесермянскую форму *йулдаш* – к татаризмам, ср. тат. *йулдаш* 'попутчик, спутник', 'товарищ, друг' [1. Т. 2. С. 689].

4.1. *Эш*

4.1.1. Территориальное распространение. В качестве слова для обозначения друга употребляется в абсолютном большинстве диалектов, за исключением слободского говора северного наречия (1–3), шошминского (138–141) и красноуфимского (175) говоров периферийно-южного диалекта. Также он не был зафиксирован и в некоторых других опорных пунктах, расположенных в ареале указанного диалекта.

4.1.2. Варианты слова. В бесермянском пункте Жувам (49), а также в некоторых опорных пунктах Закамья была зафиксирована форма *йэш*. Йотированное или дифтонгоидное (*“эш”*) произношение начального гласного звука возможно и в других населённых пунктах Закамья.

4.1.3. Значение. *Эш* ‘товарищ, друг, приятель’; *боевой эш* ‘боевой друг’; *матысь эш* ‘близкий друг’; *сюрес вып эш* ‘попутчик, спутник’; *ужья эш* ‘коллега, друг по работе’ [5. С. 808]. В слободском говоре (1–3) описываемое слово употребляется в значении ‘чета, ровня’, а в шошминском говоре в сочетании со словом *туган* – *туган эш* означает близкого родственника.

4.1.4. Происхождение. Является татарским заимствованием [3. С. 65; 7. С. 35; 9. С. 52–53]. Для сравнения приведём татарское слово *иш* 1. ‘пара ровня, чета’; 2. ‘один из составляющих пару’; 3. ‘сверстник, сверстница’ [4. Т. 1. С. 407].

5.1. *Эптэш*

5.1.1. Территориальное распространение и варианты слова. Зафиксировано в большинстве диалектов Закамья, за исключением шагиртско-гондырского говора (153, 155), а также в бавлинском говоре (151, 152, 174). В опорных пунктах 160, 164, 168 записан вариант с начальным йотированным гласным. В фонетическом облике *э’тэш* – с гортанным смычным вместо смычного данное слово отмечено в д. Лельвиж (142) Кукморского района Татарстана.

5.1.2. Происхождение. Является поздним татарским заимствованием, ср. тат. *иптэш* ‘товарищ; собрат’, ‘приятель, друг’, ‘компаньон, партнёр; напарник, спутник’ [4. Т. 1. С. 455].

Таким образом, все слова, выражающие понятие «друг» в современном удмуртском языке являются тюркскими заимствованиями, к которым нужно отнести и слово *дус* (*дустъм*), используемое бесермянами только по отношению к друзьям из представителей татар, ср. тат. *дус* ‘друг, приятель, друг-приятель’... в обращении *дус, дускай, дустым* ‘друг, друг мой, товарищ, дружище’ [4. Т. 1. С. 362]. В связи с этим встаёт резонный вопрос: было ли у удмуртов исконное слово для называния друга? Можно предположить, что таковым могло быть слово *музъы*, являющееся, по крайней мере, общепермским, а возможно, и словом более древнего происхождения и имеющее в современном удмуртском языке следующую семантику – ‘подруга’, диал. ‘любовница’ [5. С. 441]. В некоторых говорах оно употребляется и в значении ‘любовник’. Заимствуя иноязычные названия, в данной ситуации языковая система стремилась избавиться от двусмысленности понимания слова.

Условные сокращения

оп. – опорный пункт; сч. – среднечепецкий диалект (северное наречие); тат. – татарский язык; удм. – удмуртский язык; чув. – чувашский язык; В – бесермянский диалект; G – глазовский диалект; М – малмыжский диалект; MU – малмыжско-уржумский диалект; У – уфимский диалект.

Литература

1. Емельянов Е.И. Грамматика вотяцкого языка / Ленинградский вост. ин-т. им. А.С. Енукидзе. Л., 1927. 160 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 955 с.
3. Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.
4. Татарско-русский словарь: в 2 т. Казань: Магариф, 2007.
5. Удмуртско-русский словарь: около 50000 слов / сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин и др.; отв. ред. Л.Е. Кириллова; Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН. Ижевск, 2008. 925 с.
6. Чувашско-русский словарь / сост. И.А. Андреев, Н.А. Андреев, А.И. Иванов и др.; под ред. М.Я. Сироткина. М.: ГИИНС, 1961. 632 с.
7. *Munkácsi B.* A vótják nyelv szótára. 2. kiadás. Budapest, 1896. XVI, 836 l.
8. *Munkácsi B.* Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie // Keleti szemle. Budapest, 1906. № 7. S. 285–315.

9. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann / Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI. Helsinki, 1987. XXIII, 422 S.

References

1. Emel'yanov E.I. *Grammatika votyatskogo yazyka* [Votyak language Grammar]. Leningrad, 1927, 160 p.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow, 1993, 955 p.
3. Tarakanov I.V. *Zaimstvovannaya leksika v udmurtskom yazyke: udmurtsko-tyurkskie yazykovye kontakty* [Borrowings in the Udmurt language: Udmurt-Turkic language contacts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1982, 188 p.
4. *Tatarsko-russkii slovar': v 2 t.* [Tatar-Russian Dictionary. 2 vols]. Kazan, Magarif Publ., 2007.
5. Kirillova L.E., ed. *Udmurtsko-russkii slovar': okolo 50000 slov* [Udmurt-Russian Dictionary: about 50,000 words]. Izhevsk, 2008, 925 p.
6. Sirotkin M.Ya, ed. *Chuvashsko-russkii slovar'* [Chuvash-Russian Dictionary]. Moscow, GIINS Publ., 1961, 632 p.
7. Munkácsi B. A votják nyelv szótára [Votyak language Dictionary], 2 ed. Budapest, 1896, vol. XVI, 836 p.
8. Munkácsi B. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie. In: Keleti szemle. Budapest, 1906, № 7, pp. 285–315.
9. Wotjakischer Wortschatz. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI. Helsinki, 1987, vol. XXIII, 422 p.

МАКСИМОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат филологических наук, специалист отдела филологических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Россия, Ижевск (makser02@yahoo.com).

MAKSIMOV SERGEY – Candidate of Philological Sciences, Specialist of Philological Research Department, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia.

УДК 811.111(075.8)

ББК 81.2 Англ-923

А.П. МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА, М.Е. ПОКРОВСКАЯ

ЗООМОРФИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: политический дискурс, национальные стереотипы, зооморфные стереотипы, персонификация, манипуляция сознанием.

Рассматриваются зооморфные персонификации национальных стереотипов в политическом дискурсе на вербальном и визуальном уровне, которые обусловлены картиной мира каждого народа и политической ситуацией в конкретную историческую эпоху. Обострение отношений между странами приводит к возрастанию использования стереотипов в политическом дискурсе. Зооморфные персонификации применяются политехнологами как аксиологические символы и действенные способы манипуляции сознанием масс.

A. MINYAR-BELOROUTCHEVA, M. POKROVSKAYA ZOOMORPHIZATION OF NATIONAL STEREOTYPES IN POLITICAL DISCOURSE

Key words: political discourse, national stereotypes, zoomorphic stereotypes, personification, brainwashing.

The article deals with zoomorphic personifications of national stereotypes in political discourse at verbal and visual levels that are determined by the worldview of every nation and the political environment in a particular historical period. Growing diplomatic tension results in the increased usage of zoomorphic stereotypes in political discourse. Spin doctors use zoomorphic personifications associated with particular nations as axiological symbols and effective ways of brainwashing people.

Мироощущение каждого народа, как некий устойчивый фрагмент картины мира, хранящийся в сознании, получил название стереотип. Стереотипы, на основании которых выстраивается политический дискурс, обусловлены как